

Она сама виновата. Зачем она подталкивает меня к тому, чего мне не хочется делать? Зачем она говорит эти слова, после которых у меня нет другого выхода, кроме как убить ее? Зачем она остается одна в своем доме — доме с открытыми настежь дверями и окнами, через которые внутрь может попасть любой? И зачем так спокойно лежит на кровати, будто только и ждет, когда я приду и сделаю то, к чему она меня вынуждает?

Если была бы хоть маленькая преграда, чтобы остановиться, сказать себе «нельзя», сказать: «Оставь, она сама умрет через пару–тройку лет!» Но такой преграды нет, и даже калитка возле ее дома закрывается на маленький перекидной крючок сверху, а мне ли не знать, как он откидывается.

Может быть, сегодня кто–нибудь из детей запрет калитку на засов? Но она открывается легко, как обычно. Может быть, эта женщина закроет изнутри входную дверь? Нет, не закроет. Ей не до того — она лежит на кровати, ухмыляясь, и ждет только новой жертвы, в которую сможет всадить очередную порцию своего яда.

Для меня ее яд смертелен. Да и для многих других тоже. Я же вижу это, как бы они ни прятались, ни маскировались, ни закрывались картонными лицами с ухмыляющимися рожцамими. «У нас все хорошо!», «У нас все здоровы!»

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

Неправда. Вы не здоровы, вы уже заражены — заражены ее ядом, так быстро действующим на вас — веселых, хороших, добрых... и совершенно беззащитных. Я прекрасно знаю: вы ничего не сможете с ней сделать именно потому, что вы такие хорошие и правильные.

Но я смогу. Я смогу, потому что мне нужно защитить от ее яда себя — себя в первую очередь, иначе моя жизнь прекратится. Поэтому сейчас я зайду за колышущуюся занавеску, подойду к кровати, на которой лежит ухмыляющееся существо, и сделаю то, что нужно сделать, — закончу ее жизнь, ее собственную дрянную, гадкую, неправильную жизнь, и мне даже не будет страшно или противно.

Она сама виновата.

Глава 1

Традиции постепенно терялись.

Дедушка с бабушкой еще пили чай за круглым столом, покрытым кружевной скатертью, на которой желтела тень от тонкого фарфорового чайника с треснувшей крышкой. Крышка была заботливо склеена дедушкой, скатерть, между прочим, связана собственноручно прабабушкой, а зеленые цветы по краям вывязаны ее сестрой, которая одна во всей семье умела вязать такие тонкие, нежные кружевные цветы, почему-то всегда зеленого цвета. Над столом висела старая люстра с тысячей маленьких звонких стекляшек, на комодѣ стояла узорчатая коробочка со старым, пожелтевшим лото, которую обязательно доставали после чая и ставили на стол. Это была традиция — лото после чая с пирогами, и еще непрѣменные разговоры обо всем на свете, которые Маша слушала, затаив дыхание.

Обсуждали политику Кубы, историю побега Наполеона, рецепты приготовления моченых яблок, путешествие на «Кон-Тики», растительность Средней Азии и тысячу других невозможно интересных вещей. Бабушка вязала крючком свои бесконечные шали, дедушка потягивал остывший чай с ароматом яблок, а Маша, папа и мама раскладывали дере-

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

вянные бочонки на плотных, треснутых карточках с цифрами, пахнувших, как паутина в углу за печкой.

Чайник разбился, люстру поменяли на современную, ска-терть убрали в комод, бочонки из лото растерялись один за другим. И бабушка с дедушкой умерли. Теперь за чаем соби-рались втроем: родители и Маша. Конечно, беседовали по-прежнему, но чаевничали не каждый день, а только по вы-ходным, и беседы стали не такими интересными. Маша пару раз пыталась расстелить на столе старую скатерть с зелены-ми цветами, но родители недоуменно пожимали плечами: за-чем, если есть такая красивая клеенка с геометрическим ри-сунком? И Маша отступала, сворачивала скатерть, аккуратно складывала в большой пакет и возвращала на место, в верх-ний ящик комода.

Правда, совместный чай по выходным еще оставался, и оставалось яблочное варенье — то, как его варили. Маша привозила на дачу своих друзей, и все садились под самой старой яблоней ранеткой, раскинувшейся около дома, чисти-ли яблоки, складывая кусочки в огромные тазы, а потом мама заливала все это богатство сахарным сиропом и варила, ва-рила, варила, так что по всей деревне расплывался запах яб-лочного варенья. Папа аккуратно раскладывал варенье по банкам, и банки прятали в погреб.

Но традиции постепенно терялись, разбазаривались со временем так бездумно, что Маше иногда становилось до слез обидно. Родители приезжали на дачу все реже. Друзья предпочитали отдыхать на курортах за границей, где было «все включено». Когда Маша слышала это «все включено», ей сразу вспоминалась бабушка, всю жизнь экономившая электричество и любившая покрикивать, войдя в дом: «Поче-му у вас все включено, а? Тут лампа, там лампа, здесь два светильника горят. Ишь, устроили иллюминацию среди бела

Елена Михайлова

дня!» И Маше казалось, что друзья приезжают на такие курорты, где все залито безжалостным светом тысяч ламп, от которого некуда деться.

Она вышла замуж. Родился Костя, которого чуть ли не с самого рождения стали привозить на их старенькую дачу. Маше было там хорошо, несмотря на туалет на улице и стирку руками в холодной воде, а вот Игорь быстро начинал ныть: «Хочу домой, хочу в город...» В лесу ему было скучно, на реке ему было мокро, в саду скучно и мокро. Он был до мозга костей городским, и даже деревенская тишина с пением птиц по утрам и стрекотанием ночных кузнечиков нервировала его. Он любил просыпаться под шум машин, а откуда же возьмется шум машин в маленькой деревеньке, до которой даже асфальтовую дорогу не проложили и пять километров от леса шла кривая ухабистая колея?

Когда они развелись, Игорь сообщил:

— Машка, ты меня знаешь: помогу всем, чем смогу. Но в твое Простоквашино я больше ни ногой!

— Сдалась мне там твоя нога, — парировала Маша. — Только грядки топчешь. И не Простоквашино, а Засорино!

— Засорино... — закатил глаза супруг, теперь уже бывший. — О, прекрасное Засорино, которое я больше не увижу, надеюсь, никогда! Милые, добрые засоринцы, живите в мире и спокойствии. Не лицедреть мне отныне ваши рожи, не обремененные интеллектом. И слава богу!

— Иди на фиг, — сказала Маша. — Сам ты рожа, не обремененная интеллектом.

В глубине души она признавала некоторую правоту за Игорем, что не мешало ей любить деревню нежной любовью. И Костя обожал Засорино — там был лес, была река, там были его приятели — мальчишки, которых родители привозили на все лето к бабушкам-дедушкам — в общем, полное раздо-

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

лье. Они приезжали вчетвером, с Костиными бабушкой и дедушкой, сразу затапливали печку–голландку, и, пока она трещала поленьями, Маша доставала сваренную еще в городе картошку и резала колбаску, обжаривая кружочки на сливочном масле. Колбаска сердилась, шипела и плевалась маслом в разные стороны, и Маша проворно отскакивала от плиты. Потом довольный Костя лопал колбасу, закусывая ее картошкой, и, казалось, даже волосы у него вставали заборчиком от удовольствия.

— Классно, что приехали, — мычал он с набитым ртом. — Только бы завтра дождя не было.

День, когда они потеряли их маленький дом, стал для Маши черным. Ей было очень стыдно за то, что даже известие о болезни матери она восприняла не так остро, как решение родителей продать дачу, чтобы хватило денег на больницу. Когда она позвонила отцу и заикнулась о том, чтобы пожертвовать машиной, а не домом, он отрезал:

— Машина нужна для дела, а дача — блажь, баловство. И без дачи можно прекрасно обойтись.

«А как же Костя?» — хотела спросить Маша, но промолчала. Отец весь был на нервах, и убеждать его в том, что внуку необходимо уезжать на лето из города, было бесполезно.

— А если ты хочешь для Кости хорошего отдыха, то начинай нормально зарабатывать и вывози его на море, — безжалостно прибавил отец, словно прочитав ее мысли. — А то все горазды пользоваться родительским, на свое, видишь ли, заработать не могут.

Маша так опешила от его злых и несправедливых слов, что даже не нашлась, что сказать. Отец положил трубку, а через два месяца домик в Засорине продали семейной паре, которая собиралась поселить там своих старых родителей.

Елена Михайлова

Вопросом, куда же поехать на лето с двенадцатилетним Костей, Маша озадачилась с начала зимы, как только мама пошла на поправку. Сценарии для детской передачи, которые она писала, давали ей неплохой заработок, но его хватало только на жизнь. Откладывать не получалось, как Маша ни пыталась, — обязательно в самый неподходящий момент возникали экстренные ситуации, которые требовали денег и съедали все скромные Машины сбережения. Она пыталась найти подработку, но тогда оставалось меньше времени на придумывание сценариев. Чем ближе к концу подходила зима, тем в большее отчаяние впадала Маша — перспектива сидеть с Костей все лето в душном городе приводила ее в ужас. Тем более что сама она ни одного лета так не проводила — ее работа позволяла уезжать куда угодно, был бы с собой компьютер, и Маша давным-давно купила гудящий тяжелый ноутбук, который и перевозила каждый год в Засорино в конце мая.

Она позвонила в несколько туристических агентств, облазила форумы и выяснила, что на те деньги, которые ей все-таки удалось отложить к весне, можно поехать только в Крым или на юг России: снимать там частное жилье с туалетом на улице, готовить самим, но зато жить у моря. Правда, максимум месяц.

На море Маше не хотелось. Нет, в Грецию, Испанию или в Болгарию она поехала бы с удовольствием. С тем большим, что никогда не была в этих странах. Но, отдохнув один раз в небольшом городке под Сочи и другой — в Крыму, она на всю жизнь запомнила грязные, замусоренные пляжи, песок, в котором легко можно было напороться на битое стекло, хамоватых официантов в кафе и фрукты по московским ценам.

— Скажите, а почему у вас персики стоят дороже, чем в Москве? — как-то раз удивленно спросила она толстую бабу около их пансионата, небрежно взвешивающую свой товар.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

— Ой, вот и ехай в свою Москву, раз тебе там дешевле, — лениво протянула баба, даже не взглянув на Машу. — То-то я посмотрю, как там твой заморыш будет жить.

Неожиданное хамство и слово «заморыш» применительно к худенькому высокому Косте, жадными глазами смотрящему на фрукты в коробках, привело Машу в бешенство. Она никогда не умела скандалить с продавщицами в магазинах, но сейчас ей захотелось вцепиться торговке в обесцвеченные перекистью волосы и макнуть ее наглой мордой в ящик с подпорченными персиками, стоящий у той под ногами. Но тут над ухом раздался голос Игоря:

— Персики покупаешь? А я там хорошие груши нашел, и недорого.

— Не покупаю, — сквозь зубы ответила Маша. — Пойдем отсюда.

В общем, вспоминать те поездки было неприятно, и на юг Маше не хотелось. Не говоря уже о том, что оставлять ноутбук в комнатке, ключи от которой будут у хозяев, попросту опасно. Рисковать ноутбуком Маша не могла.

Обдумав все варианты, она позвонила Игорю. Они поддерживали хорошие отношения, хотя с Костей, по ее мнению, Игорь мог бы видеться и почаще. Но в целом бывший муж из него получился почти идеальный. «Куда лучше, чем просто муж», — иногда думалось Маше. Их отношения за шесть лет брака исчерпали себя и закончились, как заканчивается борщ в кастрюле: с одной стороны, жаль, что не осталось, с другой — было вкусно, да и можно сварить еще. Правда, последние два года, когда оба они уже не любили друг друга и мучились из-за этого, были тяжелыми для Маши. Но у нее был Костя — любимый Костя, кареглазый Костя, похожий на веселого олененка, весело выкидывающего тонкие прямые ножки в разные стороны. А у Игоря — та девушка, появление кото-

Елена Михайлова

рой и помогло им расставить все по своим местам. Девушка потом исчезла, ее место заняла другая, но Игорь так и не женился, проводя жизнь в свое удовольствие.

— Игорь, помоги нам, пожалуйста, — попросила Маша, позвонив ему. — Не могу я Костю летом в городе оставить. Ну не могу! Подкинь денег, а? Или — хочешь, давай вместе куда-нибудь поедем. Ты же знаешь, тебе со мной нормально будет... Или у тебя сейчас подруга? — спросила она, почувствовав по молчанию на том конце провода, что ее предложение Игорю не понравилось.

— Да нет... не подруга... — пробормотал бывший муж. — Не в бабе дело. Понимаешь, нет у меня сейчас денег, правда.

— Может, в банке... — начала Маша, зная, что под Игореву стабильную зарплату можно было бы взять кредит.

— Ты понимаешь, какая проблема: я с работы уволился, — неохотно сказал Игорь. — Пытаемся с Володькой Красновым кое-что свое раскрутить. Не хочу говорить ничего пока, но — сама понимаешь: сижу с голой задницей, все, что было, в дело вложил. Ты меня знаешь, я для Кости и кредит бы взял, и с вами бы поехал. Нету, Маш. Честное слово.

Маша поверила ему и без всяких честных слов. Игорь и раньше иногда говорил, как ему надоело работать на других, его мечтой был свой бизнес, хотя бы маленький. Но узнать, что бывший муж собрался раскручивать бизнес именно сейчас, стало для Маши неприятной неожиданностью. Последний путь к тому, чтобы вывезти сына из Москвы хотя бы на месяц, оказался тупиковым.

Маша совсем приуныла. Наступил май, деревья окутались зеленым дымом, в котором, если подойти поближе, можно было различить маленькие листики. Она срывала листик, вертела в руках, растирала между пальцами и жадно принималась, с тоской вспоминая деревню и проданный дом. По-

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

мыкавшись неделю в раздумьях, Маша решила, что делать нечего, придется ехать в нелюбимый Крым. «Ничего, ноутбук буду прятать куда-нибудь, — успокаивала себя Маша, хотя услужливое воображение подсовывало картинку: она роет ямку под деревом, закапывает туда ноутбук и, оглядываясь по сторонам, крадется к дому, в котором спят хозяева. — Зато море, фрукты, песок... в общем, Косте будет хорошо».

— Мам, я на море не хочу, — решительно заявил сын, узнав о ее планах.

— С ума сошел? — изумилась Маша. — Знаешь, как на море здорово!

— Знаю. Я там уже два раза был, — напомнил Костя. — Мне не понравилось. Да чего там хорошего — просто большая лужа, только соленая.

— Тогда ты был маленький, глупый! А сейчас ты плавать будешь, на экскурсии съездим, пещеры посмотрим. Хочешь в пещеру?

— Я в деревню хочу, — тихо сказал Костя, отвернувшись в сторону и копаясь в шкафу с посудой.

Маша вздохнула и села на табуретку.

— Хорошо, — устало согласилась она. — Я попробую еще раз поискать — может быть, нам сдадут какой-нибудь домик на лето. Не на все три месяца, конечно, — на все денег не хватит, — но хотя бы на два. И не разоряй ты шкаф, твоя немытая чашка в раковине стоит!

На следующее утро Маша накупила газет и села звонить по объявлениям. Она успела сделать три звонка и выяснить, что ни один из вариантов ей не подходит, когда телефон в ее руке дернулся и заверещал так, что она вздрогнула.

«Костя, поганец, опять звонок поменял!» — мелькнуло у

Елена Михайлова

нее в голове, пока она нажимала кнопку соединения. И вместо того чтобы сказать «алло», она грозно выдохнула в телефон:

— Придешь домой — убью!

В телефоне повисло молчание, а затем мягкий женский голос осторожно спросил:

— Маша, ты? Это Вероника. Извини, я, наверное, не вовремя...

Вечером Костя валялся на диване, а радостная Маша разбирала вещи в шкафу, откладывая в сторону то, что нужно взять с собой, и пересказывая сыну утренний телефонный разговор.

— В общем, тетя Вероника с мужем приглашают нас к себе на все лето. Представляешь? Бесплатно! Костя, ты знаешь, как там у них здорово?

— Мама, да помню я, мы же вместе ездили! Ты забыла все, что ли?

— Точно, забыла, — рассмеялась Маша, покачав головой. — Они же в прошлом году на выходные нас приглашали. Надо же, совсем из головы вылетело.... Ну что, ты рад?

— Рад, конечно. Жалко только, что у них Димка маленький, а то было бы совсем здорово.

— Во-первых, не такой уж и маленький — ему уже восемь лет. Во-вторых, зато Ирка большая.

— Ирка — девчонка, — возразил сын. — Девчонка — это не то. В деревне принципиальна мужская компания.

— Где ты таких выражений набрался? — изумилась Маша. — От отца, что ли? Будет тебе мужская компания, все будет! И друзей новых найдешь, и с Димкой найдете чем заняться. Все будет.

Она замерла около полки со свитером в руках, глядя поверх Костиной головы. Господи, как неожиданно и как хоро-

шо! Они поедут на дачу к Веронике, и можно будет провести там целое лето! Подумать только, целое лето... Долгое, теплое, счастливое лето.

Глава 2

Дмитрий, муж Вероники Егоровой, никогда не называл мать жены иначе, чем Юлия Михайловна. Иногда — «она», но все понимали, о ком идет речь.

— А ты рассказала про нее? — спросил он, подтаскивая сумки с продуктами к багажнику старенькой «девятки».

— Сказала, — вздохнула Вероника и положила пакет на заднее сиденье.

— И что Маша?

— Митенька, она так обрадовалась приглашению, что, кажется, даже не слушала меня особенно. Нет, слушала, конечно, только всерьез не восприняла. Подумаешь, ну живет еще в доме больная старуха... Дом—то большой, места хватит на всех.

Вероника услышала от Маши, что ей с Костей негде отдыхать, две недели назад и теперь предложила поехать к ним на дачу в Игошино. Во—первых, ей искренне хотелось помочь приятельнице, к тому же она знала, что Машка — человек необременительный, легкий в общении и жить с ней — одно удовольствие. Во—вторых, имелась у Вероники и другая веская причина. «Может быть, Юля хотя бы при Маше будет вести себя прилично? — с отчаянием думала она. — Все—таки посторонний человек, с ребенком... А Димка станет с Костей играть, и, даст бог, мальчику будет не до бабушки».

Митя погрузил сумки в багажник, сверху положил связку зеленых бананов и поднял голову. Из окна третьего этажа на него смотрели две приплюснутые мордочки — Димкина и

Елена Михайлова

Иришкина. «Тварь, — мелькнуло у него в голове при взгляде на детей. — Мерзкая, уродливая тварь. Уже сидит в доме, как паук, ждет, когда я привезу Веронику и детей». А вслух сказал:

— Когда Маша с сыном приедут?

— Завтра, ближе к вечеру, — отозвалась Вероника, запиная пакеты между сиденьями. — И очень хорошо, что не раньше: успеем все разобрать, в доме прибраться...

«Подготовиться», — хотела добавить она, но не добавила. Подготовиться к тому, что ожидало их в игошинском доме, было нельзя. И уж тем более нельзя было подготовить к этому Машу с ее сыном-подростком. Впрочем, за мальчика Вероника волновалась меньше всего. Костю она хорошо помнила по его предыдущему визиту — веселый, жизнерадостный мальчишка, которому и дела-то не будет до того, кто там еще живет в одном с ним доме. Вот Димка...

И она вслед за мужем озабоченно подняла глаза к окну, откуда тарачилась теперь только мальчишеская физиономия.

— Иришка уже спускается, наверное, — раздался голос мужа. — Пойду за Димкой.

— Свет не забудь выключить, — напомнила Вероника, хотя знала, что на мужа можно положиться больше, чем на себя саму: все проверит и закроет на десять замков.

Оставшись одна около машины, она в пятый раз пересчитала пакеты, хотя еще в прошлый раз забыла, сколько их должно быть. Мытые яблоки лежали на виду — ехать до Игошина предстояло три часа, дети, как всегда, проголодаются.

Вероника Егорова вспомнила яблоневый сад около их деревенского дома — небольшой, но со старыми, раскидистыми деревьями, представила мать, ковыляющую по саду, и ее пробрал озноб, как от холода.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

* * *

Веронику с детства воспитывала бабушка. Мать появлялась редко — забегала на полчаса, съедала поставленную хмурой бабушкой на стол тарелку супа и исчезала, бросив перед уходом что-нибудь обидное. Например: «Что-то Верка на блоху стала похожа...» Вероника никогда не видела блох, но знала, что они маленькие и противные. Маленькой и противной быть не хотелось.

— Ты ее не слушай, — успокаивала бабушка, видя, как насупилась девочка после ухода матери. — Болтает, что на язык попадет. Всегда такая была. Не бери на сердце.

Бабушка часто повторяла: «Не бери на сердце», и почти всегда это относилось к матери Вероники. Юлия Михайловна вела свободную жизнь, считала, что главное — собственное счастье, а хрупкая болезненная девочка мешала обретению этого счастья. Ее нужно было водить в садик, одевать, умыть... Нет, Юля Леяднина не хотела ничем таким этим заниматься. Конечно, деньги она подкидывала, но воспитывать — увольте!

Вот потому-то Вероника с бабушкой жили в своей квартире, а мать — неизвестно где. Иногда она даже оказывалась в другом городе, и тогда Вероника не видела ее по несколько месяцев.

Когда она училась в шестом классе, мать исчезла на целый год — искать счастья в Сочи. Потом однажды приехала поздно вечером — голодная, тощая, как бродячая кошка, с лихорадочным блеском в глазах. Вероника должна была спать, но проснулась от голосов, подкралась к двери и смотрела на женщину, которая сидела к ней спиной. Темные ее волосы вились, спускаясь до лопаток. Вероника очень радовалась, что у нее самой волосы светлые, заплетенные в косички, совсем непохожие на Юлины.

Елена Михайлова

— Что ж ты делаешь-то, а? Бесстыжая твоя душа! — сурово проговорила бабушка из угла. — Родную дочь год не видела.

— И еще столько бы не видеть, — хрипловато хохотнув, ответила Юля. — Да ладно, мать, я шучу. Я же знаю, что с тобой ей лучше, чем со мной. Я — перекаати-поле, трын-трава: сегодня здесь, завтра там. В общем, свободная птица.

Бабушка помолчала, а потом произнесла такое слово, что Вероника за дверью сжалась в комочек от ужаса и изумления: как ее добрая, вежливая бабушка могла подобное сказать?! Это слово иногда выкрикивал дворник Семен, напившись и гоняя по двору свою жену, иногда так ругались взрослые дворовые мальчишки, и Вероника знала, что повторять его нельзя, потому что — матерное.

— Как ты меня назвала? — изумилась Юлия, поднимаясь с места. — Как?!

— Блядь ты самая настоящая, а не свободная птица, — повторила бабушка. — Уходи отсюда, пока ребенка не разбудила. Уходи! Иди ищи нового мужика. Без тебя обойдемся.

После того случая Юля долго не появлялась. Вероника радовалась: никаких теплых чувств к женщине, требовавшей называть себя только Юля и ни в коем случае не мама, она не испытывала. Мать была слеплена из другого теста: высокая, крепкая в кости, темноволосая и темноглазая, с широким, точно негритянским носом и нагловатыми широко расставленными глазами. Губы у нее были пухлые, сочные, и Вероника знала: мать гордится, что никогда не пользовалась помадой, — «нужды не было».

А Вероника с бабушкой были маленькие, беленькие, с тонкими ручками-ножками. «Ну чисто одуванчик!» — умилялись на Веронику соседки. А она смотрела доверчиво голубыми глазами, не понимая, хорошо это или плохо — быть похо-

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

жей на одуванчик. Наверное, плохо: дунул — и остался одуванчик голышом, а голышом стыдно.

Такой же маленькой и тоненькой она оставалась и в семнадцать лет, когда остальные девчонки из их класса неожиданно вытянулись, повзрослели, приобрели положенные выпуклости, которыми очень гордились. Веронике гордиться было нечем, поэтому она тайком от бабушки подкладывала в бюстгальтер две собственноручно сшитые подкладочки, увеличивавшие ее грудь до приличных размеров. Как-то раз — уже в институте — подкладка выпала, и Вероника осталась с одной грудью. Бабушка, узнав об этом, хохотала до колик, и самой Веронике тоже стало смешно: надо же, какими глупостями занимается! Подкладки она выкинула в тот же вечер, решив, что будет гордиться своим сходством с бабушкой — у той тоже грудь небольшая.

Так они и жили — в мелких женских заботах, в небольших житейских радостях. В институте у Вероники появились первые мальчики-ухажеры, и по вечерам она до поздней ночи пересказывала бабушке, кто что сказал, какими словами она ответила, и советовалась, что ей делать дальше. Обеим эта полуночная болтовня доставляла огромное удовольствие, и Веронике казалось, что так будет долго-долго: запах герани на окне, накрытый платком ночничок на полу и приглушенный бабушкин голос — нежный, любящий.

Бабушка умерла в одну секунду. Взмахнула рукой, стоя около плиты, застонала, повалилась на бок и нелепо задержалась на полу, так что задралась толстая шерстяная юбка. И замерла. Вероника закричала, заметалась по квартире, выворачивая ящики с лекарствами, пыталась вложить какие-то таблетки в бабушкины синие губы, а потом звонила, звонила соседкам, отчаянно крича: «Вызовите «Скорую»! Ну вызовите же «Скорую»!!!»

Елена Михайлова

Но «Скорая» ничем помочь уже не могла. «Сердечный приступ, — сказали врачи, разводя руками. — А что вы хотите, лет-то ей уже немало». На кладбище Вероника стояла вдалеке от матери, рассматривала оградку, покрашенную яркой желтой краской, и думала, что цвет ее бабушке бы не понравился.

Второй удар ждал Веронику после похорон. Мать, закутанная по самые брови в черный платок, подошла к ней и сказала:

— Я через два часа приеду домой. Приготовь там пожарть чего-нибудь.

Вероника не сразу поняла, о чем говорит мать, и переспросила:

— Куда приедешь?

— Куда-куда... В квартиру нашу, вот куда.

— Зачем? — по-прежнему не понимала Вероника.

— То есть как это зачем? — усмехнулась Юля, вскидывая широкие брови. — Жить. Хватит мне по чужим квартирам мыкаться — чай, не побирушка. Теперь, доченька, мы с тобой будем вместе горе наше горевать.

Вероника взглянула на мать с ужасом и отвращением, потому что «горе горевать» было бабушкиным выражением и еще потому, что из уст этой чужой женщины оно было лживым, как и она сама. Но час спустя, послушно варя суп, убедилась, что несправедлива к матери, что так нельзя думать о единственном оставшемся у нее родном человеке. «Бабушка бы не одобрила», — сказала себе Вероника, твердо решив налаживать отношения с Юлей.

И, к удивлению Вероники, отношения и впрямь стали потихоньку налаживаться. Утром она убежала в институт, приготовив на скорую руку завтрак на двоих, пока Юлия Михайловна спала. Когда Вероника возвращалась во второй половине дня, матери дома не было — устраивала свои неизвестные дочери дела. Вечером она приходила и за ужином начинала

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

расспрашивать Веронику о преподавателях, подругах и мальчиках. «Как бабушка», — думала Вероника. И рассказывала, рассказывала с удовольствием — тем более что мать иногда едко и точно комментировала ее рассказы так, что Вероника словно смотрела другим взглядом на участников событий. Взгляд был взрослый и циничный, но часто справедливый.

Юлия Михайловна очень одобряла, что Вероника учится хорошо, и пару раз даже подбрасывала дочери денег, когда та заканчивала сессию с отличными оценками.

— Учись, учись, — приговаривала она, выкладывая на комод купюры. — Образование в жизни во как нужно! Знаешь, как я жалею, что институт бросила? Могла бы многого в жизни добиться... Ну ничего, добьюсь еще, а ты учись хорошо, у тебя головка светлая.

И Вероника радовалась ее похвале куда больше, чем деньгам. Она сама не заметила, что начала постепенно привязываться к матери. Иногда ей даже хотелось назвать ее не Юлей, как всегда, а мамой, но сдерживалась, зная, что той не понравится. И обращалась к ней по-старому.

С Митей Егоровым она познакомилась в гостях у подруги и сразу в него влюбилась. Он был невысокий, спокойный и такой взрослый, словно между ними была разница не в пять лет, а в пятнадцать. Митя работал на заводе инженером, жил в общежитии, что тоже было в глазах Вероники необычным и романтичным. А ему Вероника казалась хрупким цветком, который в любую секунду может сломаться под грубым порывом ветра. Ее хотелось защищать, оберегать, нежно прижимать к груди и не позволять таскать тяжести. Они начали встречаться через три дня после знакомства, и скоро вся группа знала, что у Вероники Ледяниной есть взрослый парень, с которым «все очень серьезно».

Известие о беременности привело Веронику в состояние

Елена Михайлова

шока. Конечно, она любила Митю, но ребенок... на пятом курсе... Что же делать? Едва задав себе этот вопрос, Вероника осознала ответ: она хочет ребенка. Учеба... ну что ж, придется напрячься. А дома, в конце концов, есть мама. То есть Юля. Она поможет.

— Ребенок?!

Юлия Михайловна с презрением смотрела на съжившуюся в кресле Веронику.

— Ты, безмозглая корова, ухитрилась забеременеть? Сейчас? Когда тебе еще целый год учиться? О чем ты думала, дура белобрысая?!

Вероника не могла даже открыть рот под потоком ругательств матери.

— Ты сама еще полуребенок, ты не можешь толком нести ответственность даже за себя, а не то что за другого человека, — отчеканивала мать, словно вбивая каждое слово гвоздями Веронике в голову. — Со мной пришла посоветоваться? Нет, дорогуша, ты пришла сказать: вот тебе, Юленька, подарок в подоле — помогай мне и расти его! Так вот, милая моя, что я тебе скажу...

Мать остановилась на секунду и подумала.

— Я тебе взвалить на меня такую ношу не дам. У меня сейчас жизнь в самом расцвете, и не так-то долго моему расцвету продолжаться. Поэтому или ты отправляешься к врачу, и мы с тобой живем потом по-хорошему, или... или иди на все четыре стороны. Если ты такая взрослая, что смогла ребеночка заделать, значит, сможешь и прокормить его. Решай сама.

Она вышла из комнаты, оставив оглушенную Веронику одну. Вероника поморгала, встала из кресла и подумала, что должна позвонить Мите. Но сначала нужно собрать вещи.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

Ненавижу ее. Господи, как я ее ненавижу! Никогда не думал, что способен на такое.

Самое плохое не ненависть, а то, как я воспринимаю это чувство. Оно мне нравится. Что скрывать, я никогда не считал себя героем, способным защитить свою семью от любых катаклизмов. Я боялся хулиганов в подворотне — стыдно признаваться, но боялся. Я и сейчас их боюсь. Боюсь, что с детьми что-нибудь случится, а я не смогу помочь им. Я очень много боюсь.

Но ненависть во мне делает меня сильнее. Я ощущаю ее своим другом, и меня пугает это, ведь так недалеко и до шизофрении: разве можно думать о каком-то чувстве, которое тебе подвластно, как о друге? Но в том-то и дело, что моя ненависть неподвластна мне. Она поднимается из таких глубин, которые я никогда не предполагал в себе, и хочет выплеснуться наружу. Не в крике — крик беспомощен, не в махании кулаками — драка ничего не решает... Нет, моей ненависти нужно большее: уничтожить угрозу моей семье, стереть ее с лица земли, чтобы ничто не напоминало о ее существовании.

Я и опасаясь своей ненависти, и горжусь ею, и еще горжусь собой — тем, что я, оказывается, не такой уж и трус, каким считал себя много-много лет. Но за гордостью прячется паника: что, если настанет момент, когда моя ненависть выплеснется целиком? Что тогда будет с нами?

Глава 3

Сидя на стареньком диванчике, Макар Илюшин с усмешкой смотрел, как его друг и напарник по работе Серега Бабкин разбирает сумку. Сначала оттуда мощной рукой Бабкина были выужены две небольшие гирьки и заботливо припрятаны под кровать, откуда кокетливо выглядывал фарфоровый гор-

Елена Михайлова

шок с васильком на боку. Бабкин хмыкнул и горшок задвинул подальше, а гири поставил поближе.

— Думаешь, не пригодится? — невинно спросил Макар, кивая на горшок.

Но Бабкин на провокации поддаваться не желал и в ответ только засопел. Следом за гирями последовал эспандер, зацепившийся за «молнию» сумки и жалобно заскрипевший, когда Бабкин попытался освободить его. В конце концов эспандер был освобожден, а следом Сергей вытащил из сумки маленький пакет с вещами, зарядное устройство для телефона, зубную щетку — и сумка Бабкина опустела.

— Это все, что ты привез?

По-мальчишески взъерошив руками светлые волосы, Макар воззрился на свой чемодан, ждущий очереди в углу. Чемодан был не очень большой, но такой плотный и солидный, что при взгляде на него сразу становилось ясно: вещей в нем много.

— Зачем тащить с собой всю квартиру? — спросил Бабкин, подходя к окну и изучая пасторальный пейзаж — четырех коров, лениво бредущих по пыльной дороге. — Я тебе сразу сказал: у тетушки все, что надо, имеется. От дяди куча шмоток осталась. Да здесь ничего и не нужно: майка, шорты, вот и весь гардероб.

— А перед девушками ты в чем будешь форсить, мой неприхотливый друг? — поинтересовался Макар.

— Перед какими девушками?! Макар, это деревня. Деревня с большой буквы. Тихое, спокойное место. Глушь, глушь, дыра без цивилизации. Ты местный магазин видел?

Макар вспомнил сарай под огромной вывеской, на которой было написано: «Универсальный магазин». Да, «Универсальный магазин» впечатлял.

— Ну вот, — констатировал Бабкин, не дожидаясь ответа. — Короче, забудь про город. Озеро — есть, лес — есть, еда

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

у тетушки — ум отъесть можно. Что еще для счастья нужно? Все, московскую жару можешь выкинуть из головы. Месяц отдыха с полным отключением мозгов. Да здравствует Игошино и любимая тетушка Дарья!

Он плюхнулся на широченную кровать и раскинул руки в разные стороны, чуть не свернув светильник со столика. Макар повздыхал, поднялся с диванчика и направился к чемодану.

Со стороны они смотрелись если не комично, то, по меньшей мере, странно — большой, грузный, коротко стриженный темноволосый Сергей и худой светловолосый Макар, которого все и всегда при первом знакомстве принимали за студента-очкарика. Кроме тех, кто, встречаясь с ним, уже знал, что видит перед собой состоявшегося профессионала — человека, занимающегося частными расследованиями. Макару было тридцать три года, из которых последние шесть лет он работал на себя. Вполне успешно. Его правилом было полагаться на интуицию больше, чем на ум, и вместе с Бабкиным, который от природы был рационален и логичен, они составили отличную пару. Илюшин в их союзе был главным, что было понятно обоим и никогда не обсуждалось. Но в последний год спокойный, флегматичный Сергей становился для Макара все незаменимее.

Илюшин раскладывал вещи на полке в шкафу, когда дверь открылась и в комнату вошла Дарья Олеговна, а по-простому — тетя Даша. Невысокая, улыбчивая, загорелая, она выглядела моложе своих шестидесяти пяти лет. Короткие, рыжие от хны волосы были заколоты гребенкой, на которой сейчас красовалась зеленая гусеница.

— Сереж, Егоровы-то приехали, — сообщила она, доставая из кармана фартука пучок укропа и водружая его поверх горки вареных овощей в пластмассовом тазике. Пучок тут же запах на всю комнату. — Ирка у них за год выросла — не узнать! Еще год-другой — и будет тебе невеста.

Елена Михайлова

— Была у меня уже одна невеста, — пробурчал Бабкин. Он поднялся с кровати, подошел к тетушке и осторожно снял гусеницу с гребенки. — Все помнят, чем дело кончилось?

— Да ладно тебе, подумай, нашел одну стервозину, — махнула рукой Дарья Олеговна, предпочитавшая не вспоминать про очень неудачный брак племянника, закончившийся разводом. — Что же теперь, все холостым ходить до старости?

Бабкин открыл окно, отогнул краешек москитной сетки и бросил извивающуюся гусеницу на траву.

— Ирка у Егоровых на мать будет похожа, — заметил он, усаживаясь за стол. — Худая и белобрысая.

— Не белобрысая, а блондинка, — поправил его Макар. — Белобрысый — это я.

— А тебе какие нужны? — удивилась тетя Даша, вытаскивая из шкафа разделочную доску, ножи и тарелки. — Давайте-ка овощи режьте, окрошку на обед устроим. Жена должна быть...

Она задумалась, вынула из тазика редиску и придирчиво оглядела со всех сторон. Редиска была — загляденье.

— Как редиска, — подсказал Макар. — Розовая и пузатая.

— Жена должна быть — как та... — Бабкин нахмурился, пытаясь вспомнить имя. — Ну, как же ее... красивая...О, Кэтрин Зета-Джонс!

— Не знаю такой, — покачала головой Дарья Олеговна, откладывая редиску в тарелку. — Я из заграничных только Мэрилин Монро помню. Уж больно сисяста была, если сбоку посмотреть, — добавила она с осуждением.

Макар с Бабкиным переглянулись и захохотали.

Липа Сергеевна услышала гогот из Дарьиного дома и вздрогнула. Ну надо же. Везде приезжие! Сколько их в Игошино понаехало нынешним летом — прямо на удивление.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ДУШИ

Она, кряхтя, распрямилась над кустиками картошки, отбросила в сторону сорняк и огляделась. Вот к Даше племянник приехал. С товарищем, молоденьким совсем. Товарищ вроде ничего, приличный, дебоширить не должен. В дачников дом, что на другой стороне улицы, городские заселились, женщина молодая с ребенком и мать ее. Ну, их—то не видно и не слышно, они все с больной деткой возятся. Марья Ковригина свой дом сдала, уехала к детям, а у нее теперь парень молодой ходит по огороду, сказал — Родионом зовут. Тоже, получается, на целое лето приехал. Ну, Балукowych можно не считать — у них всегда сын гостит с семейством, их тоже многовато получилось: сами Балукowych—старшие, Алексей Георгиевич с Галиной, сын Васька с женой Катериной, а с ними и трое детей. Хотя Кирилл их—ний совсем уж взрослый, лет девятнадцать, поди, стукнуло. Да и Балукowych—старшие, Алексей Георгиевич с Галиной. Много, много их там... Вроде больше нету приезжих. Или кого забыла?

Липа Сергеевна подумала и окликнула мужа, возившегося в бане.

— Вань! Иван Петрович!

— Чего тебе? — высунулся старик из двери.

— А вот скажи—ка, кроме дачникова дома и Марьи Ковригиной развалюхи, еще куда приехали, а?

Иван Петрович задумался, провел морщинистой рукой по лысине.

— К Дарье приехали, — кивнул он наконец на соседский дом. — Говорят, на месяц.

— Про Дарью сама знаю, — отмахнулась Липа Сергеевна. — А больше нет? Кажись, еще есть приезжие рядом, а вспомнить не могу.

— Да как же! — хлопнул себя по лысине Иван Петрович. — Ты, мать, совсем стала стара. У Егоровых—то приезжих — полон дом! Бабенка какая—то с сыном, да и старуха.

Елена Михайлова

Вот! Вот что не могла вспомнить Липа Сергеевна! Бабенка с сыном — это ладно, это ерунда. А вот старуха — это куда интереснее. Родную мать, значит, Вероника в деревню привезла. Вот как оно получилось...

Липа Сергеевна усмехнулась, покачала головой и вытащила еще один сорняк из земли. Ох и интересно будет у соседей нынче летом!

Маша сидела на качелях, с которых только что с трудом согнала Костю, и пыталась разглядеть застекленную веранду сквозь ветки деревьев. Там, на веранде, собиралась хлопотать Вероника, но Маше казалось, что веранда пуста. И сколько она ни приглядывалась, так и не могла разглядеть — есть там кто-нибудь или нет. Конечно, чего же проще было, чем спрыгнуть с качелей и подойти к дому, но делать этого Маше не хотелось. Как не хотелось сейчас и заходить в прохладные уютные комнаты, хотя на улице стояла жара.

— Ма, я пойду с Димкой побегаю на улице! — крикнул Костя, перепрыгивая через клумбу.

— Побегай, только осторожно, — рассеянно ответила Маша. — Через полчаса приходи, купаться пойдем.

Она знала, что дом достался Мите Егорову в наследство от родителей. Он был большой, с верандой и мансардой, со скрипящими половицами, на которых аккуратно разложены полосатые коврики, нежно именуемые половичками. И очень уютный. Много лет подряд сюда свозились из городских квартир вещи, которые в городе смотрелись старьем, хламом, но хламом, который жалко выкинуть на помойку. Здесь они оживали, и их новая жизнь была куда необычнее, чем прежняя.

Старые столики с изогнутыми ножками, древний комод, прабабушкин трельяж с потемневшим зеркалом, фарфоровые безделушки на полках — все было несовременное, но